

Георгий Чулков

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

«Факелы»

Оригинал находится здесь: [Серебряного века силуэт...](#)

I

Когда закрылась «Вопросы жизни», я почувствовал, что почва колеблется у меня под ногами. Всецело занятый журналом и «с головой ушедший» в тогдашние идейные споры, я по рассеянности забыл устроить себе сносную житейскую обстановку и как-нибудь наладить более или менее прочный быт. Лишившись скромного редакторского жалования, я оказался без крова и без пищи.

Положение мое было тем драматичнее, что меня все знали как одного из руководителей «Вопросов жизни», а этот журнал для интеллигентов был как бельмо на глазу. К тому же я привык печатать все, что хочу, не считаясь с иными вкусами и предубеждениями. И куда понес бы я тогда свои произведения? Почти все журналы, пережившие благополучно кончину «Вопросов жизни», полемизировали с нашим журналом, и я сам метал стрелы во все стороны, не скупясь на сарказм. С большим трудом устроился я в театральном отделе газеты «Товарищ», где я стал писать рецензии¹. Жалование, впрочем, в качестве заведующего театральным отделом получал не я, а другой литератор, а я довольствовался построчной платой, но зато я нашел трибуну для проповеди символизма на подмостках театров, а мой патрон² не очень мешал мне в этом деле, за что я ему до сих пор признателен. Скоро я сделался *bete noire** для петербургского театрального мира. Этим моим рецензентским опытом и тогдашнему театру я посвящу одну из следующих глав, а сейчас расскажу о судьбе «Факелов» и моего «мистического анархизма».

В те годы — 1906 и 1907, — несмотря на то, что я вовсе не успел тогда обосновать и развить, как следует, мои мысли о «последнем освобождении», они встречали очень горячий отклик среди молодежи. Насмешливая и злобная журнальная полемика со мною, почти ежедневные газетные выпады и даже травля меня некоторыми недавними моими литературными товарищами³ нисколько не умаляли моей тогдашней популярности.

Мои публичные лекции собирали толпы моих почитателей. Меня встречали и провожали овациями. Но должен признаться, что этот «успех» не только меня не радовал, но смущал и даже пугал. Я чувствовал, что мои мысли как-то увядают и тускнеют, когда их воспринимает какой-то не совсем мне понятный слушатель и читатель. Я сам, конечно, был в этом виноват. Я сделал слишком сильные психологические ударения на отрицании и слишком тихо и полувнятно произносил ответственные слова об утверждении.

И надо признаться, что корни моего тогдашнего мистического анархизма уходили все-таки в декадентство. А эта почва ненадежная — и, вернее, это вовсе даже не почва, а самая жуткая беспочвенность. Все это было очень связано с концом петербургского периода нашей истории и с надвигавшейся революцией.